

Его ревность была более чем обоснованна, естественна и заслуживала всяческого понимания.

На лице Цзян Яня, впрочем, ничего не отразилось. Выражение оставалось спокойным и бесстрастным; взгляни на него сейчас ассистент, наверняка подумал бы, что тот размышляет о работе.

Цзян Янь сместил фокус внимания: перестал смотреть на пса, устроившегося у ног Сюй Ци, и сосредоточился на лице самого Сюй Ци. Чтобы усилить эффект, он специально увеличил масштаб, вовсе вытеснив пса за пределы экрана.

Спящий Сюй Ци был для него редчайшим зрелищем, и он не желал упускать ни секунды, ни крупинцы лишнего.

Купленная им камера была очень четкой, даже при приближении многие детали были прекрасно различимы. Он заметил, как вздымается грудь, и подстроил собственное дыхание в такт. Затем обратил внимание на чуть нахмуренные брови и неестественно опущенные уголки губ Сюй Ци.

Он похудел – подумал Цзян Янь. Нет, Сюй Ци вовсе не выглядел тощим: ежедневные разъезды с заказами давали достаточно нагрузки, чтобы фигура оставалась стройной и подтянутой, под одеждой угадывались легкие мышцы. Но усталость иссушала его дух, словно неотвязная тень окутывала его и не давала расслабиться даже во сне, заостря некоторые черты.

Сначала Цзян Янь обдумал возможность дать ему больше денег, чтобы тот поменьше работал, но сразу понял, что Сюй Ци ни за что не примет такую «заботу».

А потом позволил себе безнравственную мысль: теперь Сюй Ци выглядит очень уязвимым.

Измученный, но упрямый; самобичующий, но гордый.

Совсем не такой, как раньше.

Когда-то они тоже лежали вместе – пусть не часто, но и не так уж редко. Сюй Ци излучал непоколебимую уверенность, что ему под силу все на свете, и совершенно не ведал нынешней отстраненности. В день первой встречи он не раздумывая привел израненного Цзян Яня к себе домой.

С угрозами и насмешками прогнал подсланных братцем хулиганов; хоть и неумело, но без лишней суеты обработал ему раны, а узнав, что тому пока некуда податься, великодушно разрешил переночевать у себя.

Тогда Цзян Яню было трудно заснуть. Сюй Ци, нимало не смущаясь присутствием ровесника в своей постели, вскоре уснул, и Цзян Янь в лунном свете, проникавшем сквозь окно, разглядывал его лицо.

Это мгновение было для него невероятно дорогим, и он часто возвращался к нему, закрепляя в памяти каждую деталь. Он помнил, что пижама Сюй Ци была в серо-голубую полоску, а волосы чуть короче, чем теперь. Спал он на спине: поначалу лежал чинно, сложив руки на животе и вытянув ноги, но скоро расслабился, и его правая рука чуть не коснулась лица Цзян Яня.

Как выглядят во сне другие люди, Цзян Янь не знал, но чувствовал, что от Сюй Ци волнами исходит покой – настоящая сила, дарующая ему небывалое умиротворение.

В ту ночь он, вероятно, смотрел на него часа два. Он не чувствовал боли от ссадин, забыл все дневные тяготы. Мир вокруг стих, слышалось только их дыхание, но, к несчастью, его собственное звучало вразнобой. Тогда Цзян Янь стал учиться дышать в унисон, и когда с трудом это удалось, он малейшим движением придвинулся лицом к правой руке Сюй Ци и потерся щекой о его пальцы.

По сравнению с памятью, у нынешнего Сюй Ци не было прежней жизнелюбивой уверенности, но он по-прежнему дарил Цзян Яню чувство покоя.

Он многое утратил – возможно, гордость и то, на чем она держалась. Цзян Янь же, наоборот, многое обрел.

Обрел эгоизм, обрел расчетливость, обрел способность, которой, хочется верить, достаточно, чтобы удержать Сюй Ци рядом.

<http://bllate.org/book/18222/1745579>